Емельян Рагимов

Казачий крест

Емельян Рагимов

Казачий крест

«Автор»
2026

Рагимов Е.

Казачий крест / Е. Рагимов — «Автор», 2026

Июль 1914 года. Над Тихим Доном стоит медовый зной, но мирное лето доживает последние часы. В станицу врывается гонец с красным пакетом — объявлена мобилизация. Подхорунжий Степан Черноярцев прощается с родным куренём, принимает от отца дедовскую шашку и уходит на фронт, не зная, суждено ли ему вернуться.Впереди — бои в Восточной Пруссии, стремительные конные атаки в Галиции, ледяные окопы Карпат и тяжелейшие испытания на переломе эпох. Здесь проверяются на прочность казачье братство, честь и верность присяге.Честная и пронзительная история о воинском долге и цене, которую пришлось заплатить за право вернуться домой.

© Рагимов Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 7
Глава 4 8
Глава 5 9
Глава 6 10
Глава 7 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Емельян Рагимов
Казачий крест

Глава 1

В июле 1914 года над Доном стоял такой густой, медовый зной, что казалось — само время застыло в древних курганах. Степь дышала горькой полынью, чабрецом и горячей пылью. Подхорунжий Степан Черноярцев стоял на высоком яру и глядел вниз, где в серебристом изгибе реки молодые казаки купали коней. Фырканье животных, брызги, сверкающие на солнце, и далёкий девичий смех с бахчей создавали обманчивое чувство вечного, нерушимого покоя.

Но в куренях уже неделю шептались о выстрелах в Сараеве, о мобилизации в Австрии и о том, что «германец прёт на Россию». Казачье чутьё, выкованное веками пограничной службы, подсказывало: мирное лето доживает последние часы.

Двадцать шестого июля в станицу во весь опор прискакал урядник из окружного атаманского правления. Взмыленный конь тяжело носил боками, а сам всадник не слез, а буквально скатился с седла, сжимая в руке казённый пакет с красной печатью.

— Сполох! — прокатилось по пыльным проулкам. — Война, станичники!

Станица вскипела, как потревоженный улей. Голосисто запричитали на плетнях бабы, закрестились у ворот старухи, но казаки действовали молча, без суеты. К войне здесь готовились с рождения, и каждая семья знала: провожать сына нужно «справным». Степан спустился в конюшню, где у яслей переступал с ноги на ногу его верный Громик — рослый караковый мерин с белой звёздочкой во лбу.

Отец Степана, старый выборный казак Игнатий Петрович, прошедший ещё Турецкую кампанию, молча вынес из горницы отцовскую шашку. Привычным движением вытянул клинок из ножен, провёл по лезвию ногтем — сталь отозвалась чистым, певучим звоном.

— Ну, Стёпка, — глухо выговорил старик, глядя сыну прямо в переносицу. — Служи Государю и Тихому Дону так, как деды служили. Спины врагу не кажи, но и под дурную пулю без толку не лезь. Помни: ты Черноярцев, нашего корня позор не брал.

Мать, глотая слёзы, дрожащими пальцами надела сыну на шею зашитую в холстину ладанку с родной донской землёй и медный нательный крест.

Уже к вечеру сотня выстроилась на станичном майдане. Ровные шеренги застыли в тёмно-синих донских чекменях и шароварах с алыми лампасами, с винтовками за плечами и фуражками, сдвинутыми по уставу на правую бровь. Впереди на ветру колыхалось полковое знамя с бунчуком. Ударили в бубны, заиграла старинная походная песня: «Вспомним, братцы, мы, кубанцы, первых комендантов…» Хоть уходили донцы, пели общую, казачью. Из-под копыт поднялась густая степная пыль, скрывая позади родные курени и мирную жизнь, которая больше никогда не вернётся.

Глава 2

Август 1914 года бросил казачьи полки в пекло Восточной Пруссии. Полки разворачивались с походного марша: корпусу требовались дальняя разведка, дерзкие налёты на тылы и захват переправ.

Сотня Черноярцева шла в авангарде кавалерийского корпуса генерала Хана Нахичеванского. Разъезды донесли, что у местечка Каушен закрепилась немецкая ландверная пехота при поддержке артиллерии. Немцы успели вырыть глубокие окопы и опутали подступы колючей проволокой. Для конницы в строю такой заслон означал верную гибель.

— Ну что, станичники, — негромко обратился к притихшим казакам есаул Каледин. — Пехота наша отстала, а немецкие пушки батареям головы поднять не дают. Придётся спешиться и по-пластунски им зубы вырывать.

Степан привычно дёрнул затвор казачьей трёхлинейки. Коней отвели в глубокую, укрытую от обстрела балку под присмотр коноводных. Казаки рассыпались цепью и поползли по высокому ржаному полю. Спелые колосья хлестали по лицу, сухая, горячая земля забивалась под ногти. Немецкие пулемёты зашлись в частой, захлёбывающейся дроби. Пули со свистом срезали стебли ржи прямо над затылками. Рядом со Степаном глухо охнул молодой казак Митька, ткнулся лицом в пашню, и по защитной ткани его гимнастёрки быстро расползлось тёмное пятно.

— Вперёд! Не залегать! — хрипло крикнул Степан, переламывая липкий холод в груди.

Когда до бруствера оставалось не больше полусотни шагов, есаул поднялся во весь рост и выхватил клинок:

— В шашки! За Тихий Дон! Ура-а-а!

Гортанный, звериный клич покатился над полем. Черноярцев одним из первых перемахнул через бруствер в передовой окоп. Немецкий солдат в сером мундире и островерхой каске попытался вскинуть винтовку со штыком, но Степан опередил его — сбил ствол в сторону, ударил прикладом в челюсть и, перехватив шашку, полоснул второго по плечу. В тесной траншее закипела яростная рукопашная: работали клинками, кинжалами, крушили прикладами.

Немцы не выдержали натиска и побежали по ходам сообщения, бросая орудия. Казаки взяли батарею. Степан, тяжело дыша, опустился на лафет горячей немецкой пушки и вытер окровавленную скулу рукавом гимнастёрки. Вокруг вповалку лежали тела — и в серых немецких шинелях, и в русских рубахах. Это было первое крещение огнём, после которого Степан навсегда понял: война — не лихие атаки с лубочных картинок, а тяжёлый, грязный и кровавый труд.

Глава 3

Сентябрь принёс новые переходы. Полк перебросили южнее, в Галицию, против австро-венгерских войск. На просторных равнинах и в предгорьях Карпат казачьи разъезды не давали противнику покоя ни днём ни ночью. По всей империи уже гремела слава донского казака Козьмы Крючкова, который в первой же схватке с товарищами уничтожил немецкий разъезд — его портреты печатали на коробках папирос и конфетных обёртках. В сотне к этой шумихе относились со сдержанной усмешкой: «Козьма — казак справный, да у нас в каждом взводе таких Крючковых по трое».

Сотне Черноярцева довелось доказать это делом под Томашевом. Венгерские гусары попытались нанести фланговый удар по отходящей русской пехотной дивизии.

— По коням! В атаку, лавой! — перекрыл гул канонады голос командира.

Степан легко взлетел в седло Громика. Чувствуя мелкую дрожь горячего коня, он вытянул из ножен шашку. Впереди, в паре вёрст, разворачивался строй вражеской кавалерии. Две конные лавины понеслись навстречу друг другу. Земля загудела под тысячами копыт, воздух наполнился свистом клинков и яростным храпом коней.

Удар вышел страшной силы. Мощный Громик грудью сшиб австрийского жеребца. Степан на полном скаку отбил клинком удар вражеского палаша и ответным взмахом сверху вниз обрушил шашку на противника. Скорость и азарт сечи захлестнули разум. Казачья лава прошила строй гусар насквозь, стремительно развернулась и ударила в спину, рассеивая и преследуя бегущих.

После тех осенних боёв в австрийских штабах появились приказы при встрече с казаками немедленно сворачивать пехоту в каре и избегать открытых конных стычек. А донцы продолжали просачиваться за линию фронта, жгли обозы, рвали телеграфные провода и наводя страх на тылы противника. За бой под Томашевом Степан получил свой первый Георгиевский крест четвёртой степени.

Глава 4

К зиме война застыла. Поля перепахали бесконечные линии траншей, а нейтральную полосу опутали многорядные заграждения из колючей проволоки. Для казаков, привыкших к вольному степному простору и конному строю, настало самое тягостное время: полки всё чаще спешивали и ставили в окопы наравне с пехотой.

Январь 1915 года в Карпатах выдался лютым. Трескучие морозы сменялись мокрым снегом, дно траншей превращалось в ледяное месиво. В сырых, промерзших блиндажах люди мучились от ревматизма, в окопы пробрался тиф.

— Хуже нет, чем в земле, аки кроты, сидеть, — глухо ворчал старый урядник Нефёдов, пряча в ладони огонёк самокрутки. — Казак для коня да чистого поля рождён, а тут жди, покуда немец тебе тяжёлый «чемодан» на голову пошлёт.

Степан, получивший к зиме нашивки взводного урядника, понимал: окопное безделье разъедает душу быстрее пули. По ночам он сам водил молодых казаков в «поиски» — за линию проволоки, охотиться за «языками».

В одну из январских ночей, когда метель завывала так, что в трёх шагах не видать было вытянутой руки, Степан взял троих самых отчаянных станичников. Белые балахоны, накинутые поверх полушубков, делали их невидимыми в снежной круговерти. Казаки бесшумно перевалились через бруствер и поползли в сторону австрийского передового секрета.

Австрийские часовые грелись у тлеющей жаровни в полуразрушенном блиндаже, потеряв бдительность в пургу. Степан скользнул внутрь первым. Один солдат не успел даже вскинуть голову — короткий удар кинжала оборвал его вскрик. Второго, молодого обер-лейтенанта, скрутили вчетвером, зажали рот рукавицей и, пригибаясь под порывами ветра, поволокли через нейтральную полосу к своим окопам.

«Язык» оказался из дивизионного штаба и на допросе выдал точное расположение артиллерийских батарей. За ночной поиск Степана наградили вторым Георгием — третьей степени.

Глава 5

Весна и лето 1915 года принесли тяжкие испытания. Нехватка снарядов и патронов вынудила русскую армию отходить на восток, оставляя Польшу и Галицию. Казачьим полкам досталась самая неблагодарная и смертельно опасная работа — прикрывать отход пехоты и обозов, удерживая переправы до последнего выстрела.

В июле под Холмом сотня Черноярцева трое суток сдерживала натиск немецких драгун и самокатчиков. Лошади отощали от бескормицы, у людей от недосыпа и пороховой гари воспалились глаза. Патроны берегли пуще хлеба — стреляли только наверняка.

На четвёртый день немецкая артиллерия накрыла переправу шквальным огнём. Осколок шрапнели угодил в старого урядника Нефёдова. Степан подхватил его под руки и вытащил из-под обстрела в придорожный овраг, перевязал наскоро разорванной нижней рубахой.

— Брось меня, Стёпа, — хрипел Нефёдов, глядя в белёсое от зноя небо. — Не дотянешь... Уходи к своим, пока мост не сожгли.

— Молчи, дядя Прохор. Своих не бросаем, не по-казачьи это, — отрезал Черноярцев.

Он взвалил раненого урядника на спину и под свист пуль донёс до последних подвод арьергарда, а сам вернулся к спешенной цепи, чтобы прикрыть отход взвода. В ту ночь, когда мост за спиной вспыхнул смоляным факелом, Степан впервые почувствовал, как за два года войны поседели его виски.

Глава 6

К лету 1916 года армия оправилась от потерь и накопила силы. В мае грянул знаменитый прорыв Юго-Западного фронта генерала Брусилова. Удар был такой мощи, что многослойная оборона австрийцев рухнула по всему фронту.

Казачьи дивизии снова сели в сёдла и устремились в образовавшиеся бреши. В июне под Луцком сотня Степана, ставшего уже вахмистром, вышла в глубокий тыл отступающей австрийской бригады и перерезала шоссейную дорогу, по которой тянулись обозы и артиллерийский парк.

Австрийцы попытались прорваться в штыки, но казаки встретили их кинжальным огнём из-за придорожных валунов, а затем ударили с фланга в конном строю. В той стремительной схватке Степан спас командира сотни, под которым убили коня, и лично захватил штабное знамя вражеского полка.

В приказе по корпусу вахмистра Степана Черноярцева представили к Георгиевскому кресту второй степени. На его груди теперь звенели три серебряных креста, но радости побед всё чаще примешивалась усталость: из первого призыва в сотне оставалось меньше трети станичников.

Глава 7

Февраль и октябрь 1917 года потрясли империю до основания. Фронт зашатался и стал разваливаться на глазах. В окопах митинговали солдатские комитеты, офицеров лишали погон, а вчерашние товарищи по оружию смотрели друг на друга с недоверием и злобой.

Степан, получивший к началу года четвёртый, золотой Георгиевский крест первой степени, с болью глядел на происходящее. Полный георгиевский бант на его шинели больше не вызывал прежнего почтения у митингующих солдат. Но казачья сотня держалась сплочённо: станичники выбрали Черноярцева сотенным командиром и решили уходить домой организованно, с оружием и знаменем, не давая разграбить полковое имущество.

Поздней осенью 1917 года поредевшая, опалённая четырьмя годами боёв сотня ступила на родную донскую землю. Под копытами постаревшего, покрытого шрамами Громика хрустел первый утренний ледок на степных колеях.

На въезде в родную станицу Степан осадил коня. Старый отец Игнатий Петрович вышел за ворота куреня — за эти годы он сильно сдал, сгорбился, но глаза его светились гордостью, когда он увидел на груди сына четыре Георгиевских креста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.